

Взаимодействие элит и эволюция распределения рент в Бразилии

С.А. ВАСИЛЬЕВ*

*Васильев Сергей Александрович – доктор экономических наук, профессор. Научный руководитель Международного Центра социально-экономических исследований “Леонтьевский Центр”. Адрес: Санкт-Петербург, 190005, 7-я Красноармейская, 25. E-mail: savasiliev.78@gmail.com

В статье сделана попытка анализа социально-экономического и политического развития Бразилии на основе теории социальных порядков Д. Норта, Д. Уоллиса и Б. Вайнгаста. Прослеживается процесс формирования национальных элит, связанных с различными источниками ренты. Особое внимание уделяется “большому переходу” 1930 г., обусловленному исчерпанием традиционных ресурсных источников ренты и созданием новых механизмов изъятия ренты в ходе форсированной индустриализации. Отдельно анализируется вызревание предпосылок для перехода к порядкам открытого доступа, среди которых присутствует и ряд институтов с длительной историей.

Ключевые слова: порядок ограниченного доступа, порядок открытого доступа, Бразилия, элита, рента, модернизация.

DOI: 10.31857/S086904990009194-5

JEL: A13, H10, K10, N16, P10.

Цитирование: Васильев С.А. (2020) Взаимодействие элит и эволюция распределения рент в Бразилии // Общественные науки и современность. № 2. С. 80–93. DOI: 10.31857/S086904990009194-5

Первая версия данной статьи была подготовлена автором для цикла семинаров “Социальные порядки: природа и динамика”, который проходил в ВШЭ в 2018–2019 гг.

Interaction of elites and evolution of rent distribution in Brazil

Sergei A. VASILIEV*

*Sergei A.Vasiliev – Dr.Soc. (Economics), Academic director of International Centre for Social and Economic Research “Leontief Centre”. Address: 7-th Krasnoarmeyskaya 25, St.-Petersburg. 190005, Russia. E-mail: savasiliev.78@gmail.com

Abstract. The article deals with the evolution of the distribution of rents in the process of socio-economic development of Brazil and its impact on the process of formation and interaction of national elites. Special attention is paid to “great transition” of year 1930, when traditional sources of rents were exhausted and new sources of rents were created in the process of forced industrialization. Separately discussed are prerequisites for transition to open access order, including some traditional institutions.

Keywords: access procedure, open access procedure, Brazil, elite, rent, modernization.

DOI: 10.31857/S086904990009194-5

JEL: A13, H10, K10, N16, P10

Citation: Vasiliev S. (2020) Interaction of elites and evolution of rent distribution in Brazil. *Obshchestvennyye nauki i sovremennost'*, no. 2, pp. 80–93. DOI: 10.31857/S086904990009194-5 (In Russ.)

Бразилия – классическое естественное государство, в котором особенности порядков ограниченного доступа, сформулированные в теории социальных порядков [Норт, Уоллис, Вайнгаст 2011], проявились и проявляются до сих пор весьма четко. В то же время Бразилия – весьма замкнутое сообщество, в котором фактически существующие социальные отношения и механизмы взаимодействия элит маскируются большим количеством мифов. В рамках данной работы на основе методологии теории социальных порядков сделана попытка проследить эволюцию бразильских элит на основе анализа источников рент, дать интерпретацию исторических коалиций и соглашений элит, а также проанализировать предпосылки относительно немногочисленных эпизодов открытого насилия в истории этой страны.

С точки зрения источников рент, история Бразилии может быть поделена на две части: до и после 1930 г. До 1930 г. мы видим тут типично колониальную экономику, зависимую от экспорта сырьевых товаров сначала в метрополию (до 1808 г.), а затем на расширяющиеся мировые рынки. Мировой кризис 1929–1933 гг. привел к радикальному изменению структуры рент, которые все в большей степени оказывались завязаны на процессы форсированной индустриализации и на рост бюджетных расходов.

Возникновение элит в Бразилии в колониальный период (1500–1822 гг.)

Ренты в бразильской экономике исторически были основаны на экспорте сменяющих друг друга ключевых экспортных продуктов – сахара, золота и кофе. Помимо них в разное время значимыми были производство и экспорт табака, хлопка, алмазов и каучука. Все эти товары исторически производились в разных частях страны, что стало причиной экономической и политической децентрализации Бразилии. Даже с административной точки зрения огромные размеры страны привели к тому, что она была изначально разделена на 15 автономных провинций (*capitanias*), каждой из которой управлял наместник, назначаемый королевской администрацией [Fausto 1999, pp. 9–10].

Особенностью Бразилии, в сравнении с Испанской Америкой, всегда была относительная слабость центральной администрации. В XVI в. она оказалась не интересной португальцам в сравнении с их восточными колониями, откуда шел основной поток прибыли, в XVII в. в период унии с Испанией, испанское правительство также больше занималось другими колониями, откуда шли драгоценные металлы. По-настоящему Португалия начала серьезно заниматься бразильскими делами только в XVIII в. в эпоху золота и алмазов. В результате бразильская экономическая и политическая элита сформировалась весьма обособленно от метрополии и подошла к середине XVIII в. с высокими политическими амбициями. Достаточно вспомнить, что в войне с Голландией на севе-

ро-востоке страны в середине XVII в. победа была одержана исключительно местными силами, без всякой поддержки метрополии.

В обстановке слабой центральной власти большое политическое влияние получили крупные землевладельцы. Изначально наместники провинций предоставляли во владение желающим огромные участки земли. Далеко не все получившие землю смогли ею воспользоваться: надо было земли освоить и заселить (хотя бы и рабами). Но те, кто смогли преодолеть первоначальные трудности, стали очень богатыми людьми.

Отчасти большие размеры владений определялись технологическими факторами. Так, базовой единицей в сахарном производстве был сахарный завод (*engenho*), который требовал большой территории для обеспечения достаточным количеством сырья. Но были и внеэкономические факторы, способствовавшие увеличению размера хозяйств. Для удержания рабов в повиновении была необходима вооруженная охрана. Ясно, что крупному хозяйству ее было легче содержать. Финансирование также было легче получить крупному хозяйству, поскольку риски потерь урожая здесь были относительно ниже [*Fausto* 1999, p. 15].

В начальный период колонизации основным источником финансирования стали средства “новых христиан” (*cristãos-novos*), которых в массовом порядке изгоняли из метрополии, но в Бразилии не трогали, ибо в отличие от Испанской Америки здесь не было регулярной инквизиции. В своей торгово-финансовой деятельности “новые христиане” активно использовали свои связи с еврейской диаспорой в Голландии, которая в этот период была основным политическим союзником и торговым партнером Португалии. Торговцы и финансисты, жившие в провинциальных центрах на побережье, сформировали вторую группу бразильской элиты.

Вследствие нехватки женщин высших классов земельная аристократия и новые христиане интенсивно метисировались. Также и при заселении центральных областей Бразилии в эпоху золотого цикла основную часть белых поселенцев составляли “новые христиане” [*Fausto* 1999, p. 37–38].

Со временем вооруженная охрана поместий превратилась в частные армии латифундистов. При этом последние в своих сообществах, особенно вне береговой зоны, получили практически неограниченную власть. Например, они вполне могли экспроприировать приглянувшиеся им земли средних и мелких хозяйств. По отношению к свободному населению внутренних территорий формировались системы отношений типа “патрон-клиент”.

Система частных армий в Бразилии дожила практически до нашего времени. В 1831 г. при формировании национальной гвардии Бразильской Империи в нее влились частные армии, а латифундисты стали полковниками национальной гвардии. (Отсюда происходит второе значение слова полковник – как очень влиятельный региональный деятель и термин “*coronelismo*”). А в попытках “движения безземельных” насильственно экспроприировать необработываемые земли латифундий уже в конце XX в. им противостояли те же частные вооруженные формирования.

Такие же крупные хозяйства, как и в сахарной промышленности, сложились в хлопковой и кофейной отрасли. Даже в добыче золота, где, казалось бы, есть много пространства для индивидуальных старателей, в Бразилии доминировали крупные предприятия на основе рабского труда, и большая часть золота добывалась здесь на крупных шахтах.

В географическом плане северо-восток представлял собой преимущественно сахарную и в меньшей степени хлопковую аристократию, Минас-Жерайс – золотодобычу, впоследствии молочное животноводство и отчасти кофе. Штат Сан-Паулу – в начале хлопок, а потом кофе, Рио-де-Жанейро – исключительно кофе. Маргинальными территориями, не имевшими большого политического влияния, были крайний юг (мясное животноводство) и Амазония (каучук, относительно короткий период на рубеже XIX–XX вв.).

Кроме региональных экономических элит, связанных с отдельными колониальными товарами, существовала еще одна элита, богатство которой было основано на работорговле [Manolo 2014]. Эта тема мало обсуждается в бразильской историографии, и даже делаются попытки представить работорговлю как международный бизнес. Действительно, среди поставлявших рабов из Африки мы увидим корабли разных стран. Однако работорговый цикл, обслуживающий Бразилию (самый крупный рынок рабов в мире), мог управляться только португальцами и бразильцами, поскольку ключевым местом операций было африканское побережье. А ведь именно португальцы первыми открыли эти земли, создали здесь фактории и раньше других наладили контакты с африканскими вождями. Здесь тоже был важен эффект масштаба, поскольку риски такого “бизнеса” очень велики: тут и опасность кораблекрушений, и эпидемии среди рабов, и ненадежность партнерства с африканскими вождями. В данной сфере складывались самые крупные состояния Бразилии, но эти люди никогда не находились на первом плане в политике – работорговля считалась недостойным занятием, и даже матросов в команду набирали из тюрем. Впоследствии в конфликте консерваторов и федералистов, после получения Бразилией независимости, именно работорговцы, будучи не связанными непосредственно с региональными ресурсами, поддерживали центральное правительство, а региональные элиты были двигателем федерализации.

На пути к независимости

Для колониальной эпохи Бразилии была характерна высокая степень консенсуса элит благодаря изобилию природных ресурсов, однородности элит, наличию общей угрозы восстаний рабов. В то же время в процессе диверсификации колониальной экономики нарастали противоречия как между отдельными регионами, так и между регионами и центральной властью. Впервые они вышли на поверхность в середине XVIII в. в период исчерпания запасов золота в провинции Минас-Жерайс. Несмотря на очевидное падение добычи золота и общее снижение рентных доходов, доступных для элит, центральное правительство усиливало налоговый пресс с целью получения фиксированного количества золота, включая введение чрезвычайного подушного налога. В ответ элита провинции осуществила в 1789 г. неудачную попытку революционного переворота, а по сути – республиканской революции (*Inconfidência mineira*) [Fausto 1999, p. 60–63].

Колониальная элита Бразилии в этот период активно восприняла республиканские ценности, провозглашенные американской и французской революциями. Действительно, монархия воспринималась как излишняя деталь государственного управления, а республиканское устройство (правда, с высоким имущественным цензом) – как наилучшая модель согласования интересов элит и на провинциальном, и на центральном уровне.

Надо отметить, что проблема Бразилии активно обсуждалась и в метрополии. Наиболее дальновидные представители королевского двора понимали, что Бразилия как колония слишком велика для Португалии, так что рано или поздно она обретет независимость. В связи с этим была поставлена задача улучшить качество бразильской элиты и разработана политика привлечения студентов из Бразилии в Университет Коимбры. Именно эта программа дала Бразилии многих заметных деятелей в период обретения страной независимости.

Непосредственным поводом для получения Бразилией самостоятельного статуса стали наполеоновские войны (как, впрочем, и для других стран Латинской Америки). Особенность Бразилии состояла в том, что в период наполеоновской оккупации Португалии королевский двор целиком переехал в Бразилию, а Рио-де-Жанейро стал столицей португальской империи на 13 лет: с 1808 по 1821 г. В 1815 г. Бразилия поменяла формальный статус, и из колонии она превратилось в отдельное королевство, ставшее

частью Соединенного Королевства Португалии, Бразилии и Алгарве. В 1821 г. в Португалии произошла революция, сильно обострились отношения между Бразилией и Португалией, революционные Кортесы требовали ликвидации центрального правительства Бразилии и возвращения монополии Португалии на торговлю в Бразилии. Именно это послужило толчком к провозглашению независимости Бразилии.

В период обретения странами Латинской Америки независимости политическое развитие португальских и испанских колоний пошло различными путями. В Испанской Америке противоречия между региональными элитами привели к географической фрагментации. В Бразилии этого не произошло, хотя, по мнению бразильских историков, различия в условиях хозяйствования должны были привести к появлению здесь нескольких независимых государств. Исторически провинции Бразилии были достаточно разобщены, связь с ними осуществлялась в основном по морю, а расстояние от Белена (в колонии Гран-Пара) до Лиссабона и Рио-де-Жанейро было практически одинаковым [Macaulay 1986].

Все-таки Бразилия сохранила свое политическое единство, и здесь сыграли свою роль два важных фактора. Во-первых, переход к независимости прошел легитимно даже с точки зрения Священного союза. Несмотря на односторонний характер провозглашения независимости в 1822 г., эта независимость была впоследствии подтверждена межгосударственным соглашением, а бразильский трон остался за династией Браганса (император Педро I был сыном португальского короля Жоана VI). Во-вторых, после восстания рабов на Санто-Доминго (1791–1803 гг.) региональные элиты очень боялись подобных событий в Бразилии и пошли на сохранение единства страны, надеясь в чрезвычайной ситуации опереться на имперские вооруженные силы. Надежды эти вполне оправдались.

Тем не менее конфликт между центром и провинциями не исчез, и выработка конституции происходила в Учредительном собрании крайне мучительно. В результате император Педро I в 1823 г. распустил Учредительное собрание и своим указом утвердил Конституцию 1824 г., хотя и весьма либеральную в плане политических и экономических свобод, но реально являвшуюся конституцией унитарного, а не федеративного государства.

Недовольство региональных элит унитарной конституцией было усилено законом о запрете работорговли, навязанном Бразилии Великобританией, которая как посредник в процессе разъединения Португалии и Бразилии потребовала это в обмен на свои услуги (в Великобритании и США данные новации произошли в 1807 г.). Однако проблема для Бразилии состояла в том, что из-за ужасных условий жизни естественный прирост численности рабов был отрицательным (в США – положительным). Запрет работорговли подрывал основы благосостояния всех элитных групп. Поэтому вскоре после утверждения закона император был свергнут (1831 г.), и на престол вступил малолетний император Педро II. При этом работорговля не прекратилась: просто разгрузка кораблей была перенесена в малонаселенные точки побережья. Именно на период регентства (1831–1840 гг.) приходится крупные эпизоды насилия, которые происходили во всех периферийных провинциях.

Два крупнейших эпизода Гражданской войны произошли на крайнем Севере и Юге, в провинциях Гран-Пара и Рио-Гранде-ду-Сул, соответственно. При всех различиях региональных условий во всех этих эпизодах мы видим три основные политические силы. Это, во-первых, местные землевладельческие и торгово-финансовые элиты, которые хотя и выступают вдохновителями выступлений, но предпочитают оставаться в тени и непосредственно в революционных выступлениях не участвуют. Во-вторых, это низшие классы общества, которые составляют основную боевую силу восстаний. Но самую важную роль играет уже народившийся к этому времени средний класс. Именно средний класс осуществляет смычку элит и народа, именно из него произрастают лидеры народных движений, он же вырабатывает и артикулирует идеологию. Эффективность взаимодействия этих трех классов в Бразилии обеспечивали следующие факторы:

– интенсивное общение представителей региональных элит и среднего класса внутри масонских лож, которые, кстати, и сами по себе были источником либеральной идеологии;

– отсутствие значительных культурных барьеров между средним классом и низшими слоями общества, в частности наличие в среднем классе большого количества метисов и мулатов (потомки от смешанных браков свободных и рабов в отличие от США получали не только свободу, но и образование);

– активная роль священников (именно священников, а не церкви). Представители верхушки элиты посылали своих детей в университет Коимбры, но большинству землевладельцев это было не по карману. В результате основным образовательным учреждением для элиты и среднего класса стала семинария Олинды – фактически единственный университет Бразилии, *think-tank* бразильского либерализма. Традиционно близкие к народу священники играли важную роль во всех региональных движениях.

Олигархическая монархия 1846–1889 гг. и олигархическая (старая) республика 1889–1930 гг.

В 1840 г. окончился период регентства, и управление страной перешло к молодому императору Педро II, а сепаратистские движения постепенно сошли на нет. В 1850 г. английский флот принудительно остановил работорговлю, и значительные капиталы, занятые в этой сфере, начали перетекать в промышленность и инфраструктуру, что обусловило период ускоренного экономического роста. В то же время нельзя не отметить, что рабство в стране отменялось постепенно, в 1871 г. получили свободу все вновь рожденные, в больших масштабах происходило добровольное освобождение рабов. А большие масштабы европейской иммиграции позволили постепенно перейти к вольнонаемному труду на плантациях. При этом сохранялись некоторые элементы феодальных отношений, например работникам выделялись наделы для выращивания продуктов для собственных нужд.

Окончательная отмена рабства в 1888 г. привела на следующий год к падению монархии в ходе военного переворота (рабовладельцы оставались ее последней опорой), но с точки зрения взаимодействия элит ситуация изменилась не сильно. Была попросту выведена из обращения монархическая партия, а центральная власть еще больше ослабла. Новая конституция давала большие права штатам, а всеобщее избирательное право распространялось только на лиц, владеющих грамотой. В любом случае процент населения, участвовавшего в выборах, оставался очень низким (около 2%). Голосование было открытым, что обеспечивало полный контроль местной олигархии за составом законодательных органов. Структура рента и элит в империи и старой республике была схожей. Верхушку элиты составляли крупные землевладельцы. Затем следовали генералитет, финансисты и торговцы, а также юристы и политики, обеспечивавшие политическое представительство олигархии.

Высшей стадией развития олигархической республики стала модель “кофе с молоком”, (*“café com leite”*), когда должность президента на основе неформального соглашения поочередно занимали представители двух штатов: Сан-Паулу и Минас-Жерайс: название указывает на их специализацию (выращивание кофе и молочное животноводство). В этот период начинается и использование бюджетных механизмов для извлечения ренты. С целью поддержания высоких цен на кофе в урожайные годы кофе закупалось в государственный резерв, а в неурожайные – продавалось, предположительно по более высокой цене. На самом деле данная система очень скоро стала дефицитной, на государственных складах скопились огромные запасы кофе, которые пришлось уничтожить после мирового экономического кризиса в 1930-е гг. [История... 2003, с. 220].

Кризис олигархического режима начался в 1920-е гг. Политические механизмы, которые были вполне работоспособны в XIX в., стали выглядеть анахронизмом в XX в. В ста-

рой республике вырос довольно значительный средний класс, требовавший политического представительства. Началась постепенная индустриализация страны, возникли рабочее движение и даже коммунистические организации.

Признаком политического неблагополучия стали мятежи в вооруженных силах с очевидными требованиями демократизации режима и социальной справедливости. Кульминация военного движения – многомесячный поход мятежной колонны Л.К. Престеса через всю Бразилию в попытке поднять народное восстание, поход, который правительственные силы так и не смогли остановить [Амаду 1951]. Лидеры военного движения (“движение лейтенантов”) продемонстрировали необычайное мужество, приобрели огромный авторитет в глазах разных слоев населения и стали основной движущей силой Военной революции 1930 г.

Самостоятельная политическая роль армии

В период до 1860 г. армия не играла самостоятельной роли в политической жизни Бразилии. По сути, армия образца 1830 г. представляла собой часть португальской армии, в которой офицеры были португальцы, а солдаты – наемники из Европы. Это была небольшая, но боеспособная армия, которая сумела подавить, как минимум, десяток региональных восстаний. Однако к 1860 г. от этой армии практически ничего не осталось. Офицеры по большей части вернулись в Португалию, наемники уехали. Призыв проходил с большим трудом, так как от него были освобождены члены национальной гвардии.

В начале Парагвайской войны (1864–1870 гг.) армию пришлось создавать практически с нуля, победа далась тяжелыми усилиями, но из войны армия вышла с большими политическими амбициями. Она увеличилась в размерах, в офицерский корпус вливалось значительное количество выходцев из среднего класса (армейская карьера не была престижной в олигархическом классе, а слой наследственной военной аристократии в Бразилии был очень узок) [Fausto 1999, p. 136], создавая дисбаланс между потенциалом насилия и долей ренты, доставшейся армейской элите. Хорошее инженерное и гуманитарное образование, которое молодые офицеры получали в военной академии “Прайа Вермелья” (на тот момент – лучшее высшее образование в Бразилии), делало их отношение к окружающей действительности весьма критическим, и они считали себя вправе вмешиваться в политический процесс. Именно они стали ударной силой переворота 1889 г.

Надо отметить, что в Бразилии по сравнению со странами Испанской Америки интенсивность военных переворотов была относительно невелика: всего три за период с 1889 по 1964 г. и модели взаимодействия армии и общества во всех трех случаях были различными. Эпизод 90-х гг. XIX в. выявил полную неготовность армейской верхушки к управлению государством. За первые пять лет республики произошел тяжелый финансовый кризис, был временно распущен конгресс, случилась новая гражданская война на юге. После краткосрочного президентства двух маршалов (Д. Фонсеки и Ф. Пейшото) армия вернулась в казармы, а управление страной перешло к региональным олигархиям (“кофе с молоком”).

Военная революция 1930 г. действительно многое изменила в Бразилии, прежде всего потому, что именно в это время сменилась модель экономического развития, так как практически исчезли все ресурсные ренты. Отдельные деятели революции получили высокие посты, но армия как группа элиты выиграла довольно мало (да и пирог для дележки в это время не был особенно велик).

Сама модель военного движения весьма напоминала предыдущий эпизод. Основой военной революции стало так называемое “движение лейтенантов”, что прямо указывает на его связь со средним классом, а большинство лидеров движения были артиллеристами или инженерами, то есть военной интеллигенцией. В то же время эпизод 1930 г. нельзя

в полной мере назвать военным переворотом. Лидер революции (Ж. Варгас) был гражданским политиком, а сама революция в идейном и организационном плане опиралась на так называемый Либеральный Альянс, объединявший политиков и интеллигенцию, находящихся в оппозиции к олигархическому режиму.

Только в третьем эпизоде (военный переворот 1964 г.) армия действительно получила серьезный доступ к источникам ренты. К этому времени было создано огромное количество государственных и квазигосударственных корпораций и агентств, которые стали прекрасным местом для трудоустройства генералов на весь период военного правления 1964–1985 гг. В то же время в отношении проводимой в стране экономической политики никаких принципиальных перемен не произошло: как и предшествующие гражданские правительства, военные правительства проводили политику импортозамещения и форсированной индустриализации. Но особенность военного переворота 1964 г. состояла в том, что в значительной степени он был инспирирован из-за рубежа (американцами) и сами генералы испытывали очевидные сомнения в легитимности установленного ими военного режима, который не пользовался поддержкой общества.

Надо также отметить, что во всех трех эпизодах армия стремилась к большей централизации страны. Это в полной мере никогда не удавалось: назначаемые центральным правительством генерал-губернаторы штатов сталкивались со скрытым (а иногда и открытым) сопротивлением региональных элит и ничего не могли с этим поделать. Межрегиональная мобильность бюрократии отсутствовала, в административном плане генерал-губернаторам было не на кого опереться, и в конечном счете, они вынуждены были идти на компромиссы с региональными элитами.

Период форсированной индустриализации 1930–1979 гг.

В 1930 г. совпали два события. Во-первых, произошел крах экономической постколониальной модели, основанной на ресурсных рентах (в случае Бразилии это был в основном “кофе”), и крах политической модели (“кофе с молоком”). Элита штата Сан-Паулу попыталась нарушить соглашение со штатом Минас-Жерайс и выдвинула на должность президента своего кандидата (не в очередь). Руководство штата Минас-Жерайс выдвинуло в качестве компромисса кандидата от “третьего” штата, Рио-Гранде-ду-Сул, Варгаса, но компромисс не был достигнут, и Варгас выборы проиграл. Тем не менее на фоне экономического кризиса недовольство нарастало, а движение лейтенантов обрело в лице Варгаса статусного лидера. Не дожидаясь инаугурации избранного президента, лейтенанты начали мятеж в разных штатах страны, в то время как руководство вооруженных сил, стремясь избежать большого кровопролития, сместило действующего президента и передало власть временному правительству Варгаса. Таким образом, Бразилия вступила в самый бурный период своего политического развития, который закончился военным переворотом 1964 г. За это время Варгас успел побыть премьер-министром временного правительства, президентом, избранным конституционной ассамблеей, диктатором, сенатором, всенародно избранным президентом и покончить жизнь самоубийством в 1954 г.

В 1934 г. в Бразилии была принята первая демократическая конституция, обеспечивающая тайное голосование на выборах и предоставление избирательных прав женщинам. Однако уже в 1937 г. в результате государственного переворота Варгас стал диктатором. В 1945 г., однако, конституционное правление было восстановлено, и третья республика просуществовала до 1964 г. Именно в это период сложилась новая модель экономического развития и распределения рент. В ее основе лежала концепция форсированной индустриализации и импортозамещения. В принципе, существовали только два варианта проведения такой политики. С учетом слабости отечественного частного капитала проводником политики форсированной индустриализации могли быть либо иностранные,

либо государственные компании. Выбор в конечном итоге был сделан в пользу государственных компаний и государственного капитала. В значительной мере это было связано со сменой курса американской администрации в связи с приходом к власти в США республиканцев в 1952 г. В предшествующее десятилетие американское правительство оказывало Бразилии широкую финансовую и экспертную поддержку, но после 1952 г. все программы помощи были свернуты [Tavares, Pereira de Melo, Caputo, Moraes da Costa, Araújo, 2010 p. 19–21].

Именно в этот период складывается окончательная модель форсированной индустриализации с опорой на госкомпании и государственные агентства. Основным источником средств для развития становится бюджет, в гораздо меньшей степени – иностранные инвестиции. Другой особенностью бразильской модели развития стало создание системы специальных фондов и специальных налогов для их формирования. Это одновременно усложняло налоговую систему и препятствовало эффективному управлению бюджетными средствами. Следствием подобного дирижистского подхода стало общее усложнение административного регулирования частного бизнеса, в особенности внешнеэкономической деятельности. При общем относительно невысоком уровне таможенных пошлин внешняя торговля регулировалась административно через выдачу разрешений на импорт и продажу валюты импортерам по различным курсам.

Масштабы создаваемой и перераспределяемой ренты в этот период существенно возросли. Статистика показывает в 1947–1977 гг. рост налоговых изъятий как доли в ВВП с 14 до 25%. За этот период ВВП страны вырос почти в 9 раз, а объем бюджетных ресурсов, соответственно, в 15 раз. Таким образом, бюджетные расходы превратились в основной источник ренты¹.

Весьма характерен пример бразильского Банка развития (BNDES). В 1952 г. он получил отдельный ресурс фондирования, часть налога на фонд заработной платы. Причем процентная ставка по кредитам BNDES всегда была существенно ниже рыночных процентных ставок, что создавало возможность нерыночного долгосрочного финансирования для приоритетных отраслей, в которых, собственно, и оседала часть ренты. Ресурсы Банка развития существенно выросли за период 1952–1977 гг. Если в 1957 г. они составляли 0,4% ВВП, то в 1977 году уже 2% ВВП. С учетом того, что за данный период ВВП в реальном выражении вырос в 4,5 раза, объем реальных ресурсов в распоряжении банка вырос в 22 раза.

Особенностью административной системы в Бразилии также была передача регулятивных функций специально созданным агентствам. Например, наряду с созданием крупных государственных металлургических компаний (CSN, Vale) одновременно было создано и регулирующее агентство. При этом количество отраслевых министерств было ограниченным, а агентства оказывались практически вне парламентского контроля. Именно агентства и государственные компании обеспечивали теплые местечки в Советах директоров сначала для генералов (при военном режиме), а затем, после перехода к демократии, для представителей партий правящей коалиции.

Необходимость торговли местами в госкорпорациях и агентствах (общая практика с 1985 г. до настоящего времени) возникла в связи с достаточно фрагментированной политической системой Бразилии. В парламент обычно проходят порядка 20 политических партий, и редко какая-нибудь партия набирает больше 15% мест. В правящей коалиции, таким образом, обычно присутствуют до 10 партий, в том числе достаточно мелких.

---

¹ Методика расчетов макропоказателей бразильской экономики включает в себя: 1) показатели ВВП и доходов консолидированного бюджета – источник: сайт Бразильского института географии и статистики (IBGE); 2) ресурсы Банка развития по годам представлены в [Tavares 2010]. Эти ресурсы представляют собой сумму свободных средств на счетах Банка в течение года, которые в принципе могут быть израсходованы на финансирование проектов; 3) относительные показатели: бюджетная нагрузка и доля ресурсов Банка развития рассчитаны в текущих ценах. Для перевода в постоянные цены используется дефлятор ВВП.

Последние редко получают посты министров, но надо учитывать, что в общем политическом “торге” участвуют также позиции заместителей министров, руководителей агентств и членов советов директоров крупных госкорпораций.

Не следует думать, что позиции в госаппарате используются политиками только для личного обогащения, хотя этот фактор тоже присутствует. Основная функция таких назначений – мобилизация ресурсов для реализации политически значимых проектов в штатах и муниципалитетах, приоритетных для поддержания влияния конкретной партии.

Последствия такого положения дел неоднозначны. С одной стороны, крупные коалиции очень неповоротливы в решении фундаментальных вопросов, в них большую роль играют *vested interests*. С другой стороны, политическая система становится более открытой. Войти на рынок для новой политической группировки несложно: надо просто купить спящую партию. Политическая динамика последних лет дает много примеров как бурного роста ранее мелких партий, так и ухода некогда крупных партий в тень. При этом средняя численность фракции в последнее время снижалась, что затрудняло формирование коалиций и стало важным фактором политической дестабилизации страны.

Политическая структуризация элиты в период индустриализации

В 1945 г. после относительно короткого периода авторитаризма (“Новое Государство” 1937–1945 гг.) была восстановлена демократия и сложилась система политических партий, три из которых стали основными. Эта “трехпартийная” структура в основных чертах сохранялась в Бразилии до недавнего времени, хотя количество партий за этот период существенно выросло.

На правом фланге находилась партия Национальный демократический союз, приверженцев которого называли уденистами (от сокращения названия UDN – União Democrática Nacional). Эта партия опиралась на старые элиты и выступала за минимальное вмешательство государства в экономику. В центре находилась партия Варгаса и центральной бюрократии – социал-демократы. На левом фланге была создана Трудовая партия, которую по аналогии с лейбористами называли трабальистами (от *trabalho* – труд). Политическую базу последней составляли официальные профсоюзы, сконструированные Варгасом в 1931 г. по модели Б. Муссолини, так что руководители профсоюзов назначались министерством труда, а профсоюзные взносы (3% от фонда заработной платы) собирались централизованно и шли на оплату профсоюзного аппарата и министерства. Неудивительно, что главным политическим лозунгом трабальистов стало повышение минимальной и средней заработной платы.

За все время третьей республики (1946–1964 гг.) правым ни разу не удалось выиграть президентские выборы, так что страной все время правила левоцентристская коалиция во главе с социал-демократами, проводившая политику форсированной индустриализации. Несмотря на очевидные успехи этой политики, к концу 1950-х гг. в экономике накопились серьезные дисбалансы: выросли инфляция, дефицит бюджета и внешний долг.

На экономические проблемы в 1961 г. наложился тяжелый политический кризис. Только что избранный президент Ж. да Сильва Квадрос ушел в отставку, и президентом стал вице-президент, лидер Трудовой партии Ж. Гуларт, довольно сильный левопопулистский политик. Он провозгласил программу социально-экономических реформ, включающую, в частности, перераспределение земель и ограничения для иностранного капитала. Не имея достаточной поддержки в парламенте, он пытался проводить реформу президентскими декретами и опираясь на мобилизацию масс. Этого было достаточно, чтобы военная верхушка при поддержке США организовала переворот 1 апреля 1964 г.

Именно в период военного режима уденисты взяли реванш. На базе UDN была сформирована правящая партия ARENA (национальный союз обновления), в то время как все

остальные партии влились в оппозиционную партию MDB (Бразильское демократическое движение). Однако в экономической политике это поменяло не много. Только в 1964–1967 гг. в период либерального правительства были снижены темпы инфляции и устранены макроэкономические дисбалансы. После 1968 г. возобновилась прежняя политика форсированной индустриализации. Принципиальной разницей по отношению к 1950-м гг. стало позитивное отношение к иностранным инвесторам и чрезвычайно жесткая политика заработной платы (уровни средней зарплаты вернулись к началу 1950-х гг.). Такая политика была успешной в краткосрочном плане (темпы роста экономики в 1968–1973 гг. превышали 10% в год), но уже к концу 1970-х гг. страна попала в тяжелый долговой кризис, а массовое рабочее движение радикально дестабилизировало режим.

В период перехода к демократии фактически восстановилась трехпартийная структура, когда партия ARENA трансформировалась в Партию либерального фронта (PFL), MDB сохранилась как центристская партия (PMDB) без выраженной идеологии, а на левом фланге вместо расколовшейся и ослабленной Трабальистской партии возникла Партия труда будущего президента Л. да Силва.

Ренты и элиты в современной Бразилии

В конце 1970-х гг. Бразилия, как и ряд других развивающихся стран, вошла в полосу затяжного экономического кризиса, спровоцированного ростом внешнего долга и цен на нефть. Темпы роста в 1980–1990 гг. снизились в среднем до 2% в год, одновременно перестала расти налоговая нагрузка на экономику. Рост рентных доходов практически остановился.

Военные были вынуждены уйти от власти, принята демократическая конституция 1988 г., а к 1995 г. после ряда неудачных попыток была остановлена инфляция и стабилизировался курс национальной валюты. Политической основой для стабилизации реформ стала коалиция двух крупных партий – PSDB (умеренные социал-демократы) с большим влиянием в южных штатах, и PFL (либерально-консервативная партия), имевшая влияние на севере, при поддержке центристской PMDB.

Коалиция потребовала от ее участников известных компромиссов. Так, социал-демократы были вынуждены придерживаться жесткой кредитно-денежной и бюджетной политики в духе “неолиберализма” и “вашингтонского консенсуса”, что для левых в Латинской Америке всегда оказывалось очень болезненно. Региональным “полковникам”, составляющим основу PFL, пришлось согласиться на санацию и ликвидацию “карманных” региональных банков, которые использовались для финансирования нерыночных проектов и накопили огромные убытки [Cardoso 2006, p. 353–367].

В то же время именно социал-демократическая повестка позволила одновременно с экономическими реформами приступить и к социальным реформам. Бразилии удалось предотвратить развитие эпидемии СПИДа и существенно улучшить положение дел со школьным образованием, увязав получение бедными семьями субсидий с посещаемостью детьми школьных занятий (программа Bolsa Escola, “школьный кошелек”). Впоследствии в условия получения помощи были введены детские прививки.

Бразилия достаточно успешно прошла через кризис 1998 г., осуществила амбициозную программу приватизации, а в начале нулевых годов начался новый период экономического роста, связанный с ростом цен на первичные материалы. К тому времени сложился специфический продуктовый микс, который обеспечил быстрые темпы роста экспорта – черные металлы, соя, мясо и фрукты.

В нулевые годы с приходом к власти левой Партии труда существенно выросла налоговая нагрузка на бюджет, увеличившись с 25 до 35% в доле к ВВП. Растущие налоговые изъятия использовались преимущественно для финансирования социальных программ, что позволило вывести из зоны бедности значительные слои населения и запустить эко-

номический рост в ранее отсталых районах северо-востока страны. Однако такой рост, опирающийся в основном на социальные выплаты, оказался неустойчивым в условиях бюджетного кризиса 2010-х гг., вызванного окончанием экспортного бума и снижением доходов бюджета.

Структура и относительное влияние элит в этот период сильно не изменились. Крупные компании, такие как Петробраз, Эмбраер, компании в металлургической промышленности, сельхозпроизводители и строительные концерны вполне сохранили влияние и даже увеличили его, благодаря приватизации. Бюджетные ренты в эти годы существенно сократились из-за жесткой бюджетной и кредитно-денежной политики, в то время как ресурсные ренты, не полностью улавливаемые налоговой системой, принесли крупным компаниям новые финансовые ресурсы. Таким образом, в структуре рент ресурсные ренты заняли заметное место.

Возникновение элементов порядка открытого доступа в политике и экономике Бразилии

Несмотря на то, что Бразилия в целом относится к государствам, характеризующимся порядками ограниченного доступа, нельзя не заметить, что в ее социально-политической структуре уже присутствует значительное число элементов порядков открытого доступа. В большой степени это связано с политической традицией Бразилии. Исторически здесь сильная центральная власть была скорее исключением, чем правилом. Это создавало значительное разнообразие политических режимов на отдельных территориях. Местное самоуправление возникло в Бразилии уже в XVI в. Хотя и очень ограниченным кругом выборщиков, местное сообщество избрало муниципальные советы, мировых судей и сборщиков налогов [История... 2003, с. 168].

Вторым фактором развития элементов порядков открытого доступа стала либеральная конституция 1824 г. и либеральный режим в империи Педро II. Действительно, основные гражданские свободы, такие как свобода печати и вероисповедания, вошли в политическую жизнь Бразилии уже в середине XIX в. Постоянно проводившиеся выборы в Конгресс являлись привычным элементом политического пейзажа.

Поскольку интересы элиты были связаны с сельским хозяйством, было очень мало препятствий для свободы предпринимательства в городах. Эта свобода ограничивалась лишь в период дирижизма в середине XX в., а либерализация условий ведения хозяйственной деятельности после 1990 г. оказалась неполной и недостаточной, так что в отношении создания новых бизнесов существуют значительные барьеры входа.

Вместе с тем элиты в доиндустриальный период ревностно оберегали свою монополию на землепользование. Наиболее ярким примером такой политики стала так называемая война Канудос (1896–1897 гг.), когда в ходе ожесточенной военной кампании было полностью уничтожено самостоятельно возникшее крупное поселение, не интегрированное в существующую систему полуфеодалных отношений [История... 2003 с. 83, 84, 216]. Впрочем, тема монополии на землю потеряла свое значение в ходе индустриализации и урбанизации. При военном правительстве в 1970-е гг. значительные участки земли предоставлялись малоземельным крестьянам во вновь осваиваемых районах Амазонии, а уже в начале XXI в. правительство Ф.Э. Кардозу организовало выкуп и бесплатную раздачу пустующих земель в регионах традиционного земледелия.

В течение XX в. избирательное право стало по-настоящему универсальным, процент граждан, участвующих в национальных выборах, вырос от 2 до 80 [Fausto 1999 р. 158–159]. Многопартийная система, несмотря на некоторую дисфункциональность, высококонкурентна. В Бразилии введена система электронного голосования, и проблема возможной фальсификации результатов голосования осталась далеко в прошлом.

Надо также заметить, что даже эпизоды вмешательства военных в политическую жизнь страны чаще всего не приводили к длительным периодам диктатуры. Так, после свержения монархии в 1889 г. было немедленно создано Учредительное собрание, Учредительное собрание созывалось и после Военной революции 1930 г., а конституция 1934 г. была весьма продвинутой и демократической. Диктатура Варгаса (Estado Novo) оказалась весьма непродолжительной. Конечно, длительный период недемократического правления пришелся на период военного режима 1964–1985 гг. Но даже в это время существовали и парламентская оппозиция (в парламенте были представлены даже коммунисты), и независимая пресса, а для военных президентов было установлено правило одного срока.

Если говорить о пороговых условиях для перехода к порядкам открытого доступа, то можно признать, что в Бразилии они все в наличии. Политический контроль за военными структурами был полностью установлен к началу 2000-х гг., когда руководителей вооруженных сил вывели из политических консультативных органов. Независимая судебная система функционирует хорошо, иногда даже слишком хорошо, если посмотреть на количество осужденных за коррупцию политиков и бизнесменов “первого ряда” (дело Lava Jato). Негосударственные организации существуют продолжительное время как в политической, так и в экономической сферах.

Основные препятствия для перехода к порядку свободного доступа лежат преимущественно в сфере политической культуры, в том числе и в сфере образования. Пока получается так, что дети из элитных семей учатся в хороших частных школах и поступают в лучшие государственные университеты, где обучение бесплатное. А дети из бедных семей, которые учатся бесплатно в плохих государственных школах, для получения высшего образования должны будут заплатить большие деньги, поступая в частные университеты.

Еще в большей степени это касается бизнеса. Система его административного регулирования очень сложна, многие вопросы решаются на уровне личных связей. Аутсайдеру эти фактически кастовые барьеры преодолеть очень сложно, и взяткой не всегда можно решить проблему. Именно неформальная замкнутость элиты – по-видимому, основной фактор, препятствующий полноценному переходу к порядку открытого доступа в Бразилии.

В то же время важный индикатор начала процесса перехода к порядкам открытого доступа – распад системы патрон-клиентских отношений на северо-востоке Бразилии (где находятся наиболее отсталые и проблемные регионы). Ранее это была вотчина Партии либерального фронта (PFL) – либерально-консервативной партии латифундистов. Ее влияние сейчас полностью утрачено, Север голосует теперь за левые партии. В то же время на Юге, где традиционно были сильны левые (профсоюзные) партии, под влиянием роста среднего класса происходит увеличение влияния центристов и правых. Та же PFL, потерявшая влияние на Севере, стала под новым названием (“Демократы”) крупной политической силой именно на юге страны.

В последние годы экономическая и политическая ситуация в Бразилии развивается весьма драматично. Экономика практически не растет, политическая сфера серьезно дезорганизована после импичмента президента Д. Русеф в 2016 г. и избрания в 2018 г. президентом политического маргинала Ж. Болсонару. Эти события сопровождалась громкими коррупционными скандалами и ростом политической активности населения (включая уличные протесты). Возникает вопрос: как все это соотносится с гипотетическим началом перехода к порядку открытого доступа?

По моему мнению, противоречия здесь нет. И исторически переход к порядкам открытого доступа сопровождался в ряде стран высоким уровнем политического конфликта (Франция конца XIX в., США в начале 1960 гг., Южная Корея в начале XXI в. – здесь,

кстати, тоже не так давно был импичмент президента). И теоретически переформатирование политического поля в процессе перехода не может не вызывать сильных напряжений, сопровождающихся вспышками противоречий между различными силами. Так что нам остается только наблюдать все эти процессы в реальном времени.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Амаду Ж. (1951) Луис Карлос Престес. М.: Издательство иностранной литературы.
История Бразилии (2003) Москва-Киев: Альтернатива-Евролинц.
Норт Д., Уоллис Дж., Вайнгаст Б. (2011) Насилие и социальные порядки. Концептуальные рамки для интерпретации письменной истории человечества. М.: Издательство Института Гайдара.
Cardoso F.H. (2006) *A Arte de Política: a História que Vivi*. Rio de Janeiro: Civilização Brasileira.
Fausto B. (1999) *A Concise History of Brazil*. Cambridge: Cambridge Univ. Press.
Macaulay N. (1986) *Dom Pedro: the struggle for liberty in Brazil and Portugal, 1798–1834*. Durham: Duke Univ. Press.
Manolo F. (2014) *Em costas negras: uma história do tráfico negreiro de escravos entre a África e o Rio de Janeiro (séculos XVIII e XIX)*. [On the Black Coast: a History of Slave Trade Between Africa and Rio de Janeiro (18th and 19th centuries)]. São Paulo: Editora UNESP.
Tavares M., Pereira de Melo H., Caputo A.C., Moraes da Costa A., Araújo V.L. (2010) O papel do BNDE na industrialização do Brasil. Os anos dourados do desenvolvimentalismo. 1952–1980 // *Memórias do Desenvolvimento*. Anno 4. No 4. Pp. 7–196.

REFERENCES

- Amado J. (1951) *Luis Carlos Prestes* [Luis Carlos Prestes] Moscow: Izdatel'stvo inostrannoy literatury.
Cardoso F.H. (2006) *A Arte de Política: a História que Vivi* [An Art of Politics: a History i Life]. Rio de Janeiro: Civilização Brasileira.
Fausto B. (1999) *A Concise History of Brazil*. Cambridge: Cambridge Univ. Press.
Istoriya Brazílii (2003) [The History of Brasil] Moscow-Kyiv: Alternativa-Evrolinz.
Macaulay N. (1986) *Dom Pedro: the struggle for liberty in Brazil and Portugal, 1798–1834*. Durham: Duke Univ. Press.
Manolo F. (2014) *Em costas negras: uma história do tráfico negreiro de escravos entre a África e o Rio de Janeiro (séculos XVIII e XIX)*. São Paulo: Editora UNESP.
North D., Wallis J., Weingast B. (2009) *Nasilie i sotsial'nye poryadki. Kontseptual'nye ramki dlya intepretatsii pismennoy istorii chelovechestva* [Violence and Social Orders. Directors and framework for Intepretating Recorded Human History]. Moscow: Institut Gaidara.
Tavares M., Pereira de Melo H., Caputo A.C., Moraes da Costa A., Araújo V.L. (2010) O papel do BNDE na industrialização do Brasil. Os anos dourados do desenvolvimentalismo. 1952–1980. *Memórias do Desenvolvimento*, anno 4, no. 4, pp. 7–196.